

Татьяна Водолажская

Пространство как методологическая перспектива белорусской идентичности

Abstract.

В статье поднимается проблема адекватности национальной идентичности современным формам существования коллективных социокультурных субъектов и способам социального мышления. Рассматривается актуализация категории «пространство» в ходе трансформации национальной идентичности. Обозначается место пространственных оснований в содержании белорусской идентичности.

Ключевые слова: белорусская идентичность, национальная идентичность, пространство, социальность, мышление, кризис, методологические проблемы.

Утверждение о пространственном характере белорусской идентичности, вынесенное в заглавие этого текста, носит откровенно полемический характер. Оно появилось в результате размышлений над различными аспектами проблемы самоопределения Беларуси и белорусской нации. Здесь будут развернуты те основания, которые позволяют сформулировать гипотезу о возможности разворачивания и развития именно пространственной специфики белорусской идентичности.

Анализ работ, касающихся проблемы самоопределения Беларуси и белорусов в современных условиях, показал, что они скорее обнаруживают и демонстрируют проблемы в ее осмыслении, нежели предлагают более или менее согласованные представления¹. При всем разнообразии аспектов анализа белорусской идентичности, общим для современных исследований является способ рассмотрения ее как национальной. То есть концептуальные представления о национальной иден-

тичности, хоть и различающие между собой, задают систему координат, в которую «вписывается» белорусская ситуация. В то же время данные представления не позволяют далеко продвинуться в понимании самого феномена и в особенности в понимании современной белорусской идентичности. Это переводит онтологическую проблему (выявление содержания, структуры, степени сформированности белорусской идентичности) в проблему методологическую, то есть в проблему инструментов и способов понимания и осмысления (понятий, концептов и категорий) современных форм существования коллективных социокультурных субъектов.

Такая постановка проблемы требует подвергнуть сомнению как концепт национального, так и концепт идентичности. Однако эта задача невыполнима в рамках одной статьи, поэтому здесь мы ограничимся только первым, хотя бы в силу убеждения в большей актуальности именно такой проблематизации².

¹ Подробный анализ работ, посвященных белорусской идентичности, представлен в статье Т. Водолажской (Водолажская. К постановке проблемы..., 2006: 250—256)

² В свою очередь, проблематизация концепта «идентичность» в отношении белорусской нации дана, например, в статье П. Рудковского (Рудкоўскі, 2006)

и политическое равенство в пределах этих границ в своем *единстве* обеспечивали воображение ограниченного и суверенного национального сообщества. Таким образом, нация как коллективный субъект предполагает как норму совпадение культурной, политической и территориальной составляющих и даже делает это совпадение основным принципом и отличительным признаком национальной идентичности. Более того, именно это единство создавало возможность существования каждого из них. Так, реализация гражданского равенства не могла осуществляться без единого культурного основания и осознания национальной территории как общего «собственного» пространства для реализации политической воли сообщества граждан. В то же время общая культура требовала политической защиты для своего развития.

II. Кризис национальной формы коллективной идентичности и перспективы ее преобразования

Оба отмеченных основания проблематизируются в современных условиях, которые могут рассматриваться как условия появления новых форм коллективной идентичности для такого рода субъектов, как нация.

Во-первых, ход современных трансформаций поднимает вопрос о социальности — о ее кризисе, изменении форм или даже «конце социального» (Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Ф. Лиотар, Ю. Хабермас). В любом случае актуализируется вопрос о появлении неких новых форм взаимосвязи между людьми, не укладывающихся в привычные представления о таких взаимосвязях. Классически социологами выделяются две такие формы, которые могут быть описаны в терминах «общины» и «общества» (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Ж. Маритен и др.). Не останавливаясь на подробном описании этих форм, отметим лишь наиболее существенное для нас. Во-первых, как в отношении «общности», так и в отношении «общества» справедливо утверждение, что своим существованием они обязаны не действительности связей между людьми, а их осознаваемости и признаваемости. Во-вторых, взаимная соотне-

сенность между этими двумя формами социальной организованности является генетической в исторической перспективе, но не в рамках генезиса конкретного коллективного субъекта. И в третьих, различия между этими формами социальной организованности касаются того, как *мыслятся* человеческие сообщества — как сущностные (данные извне) или как договорные (образованные в результате сознательного объединения). Таким образом, развитие и изменение в характере человеческих взаимосвязей, в их осмыслении и закреплении в концептуальном виде задает перспективы расширения возможных типов социальной организованности.

В связи с этим особый интерес представляет такая сторона современных глобализационных процессов, как стандартизация, то есть приведение к единообразию и совместимости условий и обстоятельств жизнедеятельности. Это создает эффект «общей инфраструктуры» жизнедеятельности. Можно предполагать возникновение, развитие и оформление (как идеологическое, так и институциональное) соответствующего типа взаимосвязей, основанного на осознании включенности в общую инфраструктуру или некое обустроенное пространство жизнедеятельности. Такого рода взаимосвязи, если признать их существующими или возникающими, не укладываются ни в одну из классических форм социальности. Они строятся на единстве того спектра возможностей, которые дает соответствующая инфраструктура, при этом не требуя единства целей или наличия личных связей и отношений. Естественно, общие условия жизнедеятельности всегда являлись неотъемлемым и существенным фактором как в жизни общин, так и в жизни обществ, однако они являлись как бы производной от другого рода отношений. Здесь же речь идет о выведении этого фактора в качестве центрального для понимания современных форм человеческого единства и о наполнении его сущностным смыслом. Такое изменение места инфраструктуры в осмыслении социальных взаимосвязей может быть обусловлено развитием программного мышления³, которое нацелено в первую очередь на вычерчивание, задание рамок, пространств и границ для протекания определенных процессов или реализации видов деятельности, неже-

³ В данном случае речь идет о понимании программирования и программного мышления в традициях СМД подхода (Щедровицкий, 1981; Наумов, 1991).

ли на непосредственно сами процессы или деятельность, то есть содержимое пространств. В то же время эти рамки и границы пространств являются способом организации множества существующих и возможных достаточно разнородных процессов, видов деятельности и, соответственно, субъектов этих деятельностей, движение и развитие которых может быть различным. Таким образом, программное мышление направлено на создание таких систем, в том числе и социальных, которые имеют ситуативную форму организации, то есть *гетерогенных* (состоящих из принципиально разнородных образований), *гетерохронных* (предполагающих протекание многих независимых, принципиально несинхронизируемых процессов), *гетерархированных* (т. е. не имеющих иерархизированной организации, предполагающих существование многих независимых иерархий).

Это направление в развитии мышления, то есть придание особого смысла и значения инфраструктурным, рамочным основаниям, проявляется и в социальной практике. Так, основное направление в формировании европейского общества характеризуется как раз развитием такого рода оснований. Его организация задается не общими целями (идеями) развития и не наличием тесных межличностных взаимосвязей, основанных на некоем естественном или объективном единстве, а через единство обустройства жизнедеятельности, единство стандартов и их совместимость. При этом индивидуальное развитие разного рода субъектов внутри сообщества не ограничивается требованиями идеологического или культурного единства, а задается установленными стандартами согласования.

Эту специфику изменения форм социальной жизни нельзя не учитывать, обсуждая основания для формирования белорусской идентичности.

Второй момент проблематизации национальной формы коллективной идентичности связан с разрывом единства культурного, политического и территориального сообщества как одного коллективного субъекта — нации. Внутренняя противоречивость, заложенная в национальную форму таким соединением, отмечается сейчас многими исследователями. Собственное развитие и изменения каждого из этих компонентов привело к тому, что они стали приходить в конфликт друг с другом и из взаимодополняющих и поддерживающих постепенно становятся противоречащими.

Единая культура как неотъемлемый компонент национальной идентичности подвергается эрозии в связи с ростом и усилением значимости разнообразных культурных идентичностей внутри гомогенного национального сообщества. Внутренние различия становятся более значимыми, чем различия, задаваемые национальными границами. Это касается и актуализации этнических сообществ, территориально не совпадающих с границами государств, и повышения значимости культурных идентичностей, фундированных не на этнических основаниях и также образующихся поверх границ государственных территорий. В то же время политизация этих культурных различий и связанная с ней «политика идентичности» становится вызовом по отношению к институту гражданства как универсализирующему статус индивидов внутри страны и по отношению к государству (М. Сомерс). Традиционно гражданство служило своего рода встроенным уравнивающим механизмом, который в определенной мере нивелировал неравенство внутри сообщества граждан одного государства. С развитием института гражданства расширялось формальное равенство и в то же время никуда не исчезало действительное неравенство граждан, относящихся к различным социальным категориям — классовым, гендерным, культурным и т. д. И современная проблема развития института гражданства состоит уже в реализации требований групп граждан адаптировать публичные практики социальной жизни к своим особым потребностям, то есть требований признания и институционализации культурных различий, признания их идентичности. Эти требования выводят на поверхность внутреннее противоречие между ценностным фундаментом либеральных демократий, в рамках которых и развивался институт гражданства (где индивидуальные права и свободы — непререкаемая ценность), и национальной идентичностью, которая требует признания коллективных ценностей.

Если в период формирования национальных государств именно форма политического (гражданского) сообщества позволяла реализовывать демократические притязания человека и становилась средством их защиты, то при современном развитии демократии (прав и свобод) она становится формой притеснения и входит в конфликт с полнотой самореализации индивида. Это противоречие, по выражению Ю. Хабермаса,

«поколебало то, что считалось непреложным в сформированной национальной идентичности». Анализируя данную ситуацию, ученый подчеркивает, что традиционная национальная идентичность изначально несла в себе «напряжение между универсалистскими ценностными ориентациями правового государства и демократией, с одной стороны, и партикуляризмом нации, отграничивающей себя от внешнего мира, с другой». Первый из аспектов обеспечивался гражданской составляющей идентичности, а второй культурной, предполагающей культурную однородность нации⁴. Нарушение культурной однородности провоцирует не только *разрыв* между двумя составляющими национальной идентичности, но и требует пересмотра и переосмысления оснований для идентичности с сообществом граждан одного государства, которое уже не выступает формой политической легитимации единой культуры и содержательно не может на нее опираться.

Еще один пункт внутренних противоречий связан с соотношением гражданской и территориальной составляющих. Гражданство обеспечивало равное и в то же время эксклюзивное (по отношению к гражданам других государств) право на участие в судьбе страны. Экстерриториализация гражданства и политического участия, которые проявляются в распространенности института двойного гражданства, а также в переносе функции принятия решений, касающихся организации жизни в стране, на наднациональный уровень, становятся факторами разрыва между этими двумя составляющими. Это ставит вопрос о народе как суверене по отношению к территории страны и уменьшает значимость гражданского участия в определении ее судьбы, что являлось важнейшим элементом воображения национального сообщества. Кроме того, «экстерриториальность богатых» разрушает политическое равенство между гражданами и актуализирует классовые идентичности, но уже не внутри, а поверх национальных границ (Бауман, 1998; Тамир, 2006).

В то же время происходит переосмысление значимости локальностей различного уровня, и особенно в отношении территории, заключенной в национальные границы. С одной стороны, они

по-прежнему остаются фактом жизнедеятельности, а, с другой — в связи с отмеченными мировыми тенденциями вынуждены стремительно менять свое смысловое наполнение. Подтверждением актуальности этой проблемы является всплеск научного интереса к теме пространства, к локальной, региональной и пространственной идентичности (А. Филиппов — социология пространства, В. А. Тишков — культурный смысл пространства, Э. Гидденс — понятие локала и мн. др.) (Филиппов, 1995; Тишков, 2003; Гидденс, 2003; Пространство и время..., 2000). При разнонаправленности и многообразии такого рода исследований все они сосредоточены на расширении физического понимания территории, и поиске и придании ей собственного социального смысла, что проявляется в первую очередь в использовании категории «пространства» вместо «территории».

Актуализация темы пространства связана с глобальными тенденциями изменения места и роли пространственно-временных координат для социальных явлений. Социальные практики, исходящие из различных самоидентификаций, традиционно были завязаны в своей реализации на «тут и теперь» — пространственно-временную определенность. Современные тенденции разрывают эту связь, но при этом пространство становится отдельной, самостоятельной сферой самоопределения и социальной практики. Э. Гидденс описывал эту тенденцию как присущую позднемодерному обществу. Если в традиционном и даже индустриальном обществе непосредственное место действия человека, временная перспектива и круг социальных взаимосвязей «как бы стянуты в тугой узел», то в современной жизни такая взаимопересеченность постепенно распадается (Giddens. 1991). В то же время одним из центральных понятий теории структуризации Э. Гидденса является понятие локала, которое связывает физическое пространство и типичные повседневные взаимодействия в единый смысловой комплекс. Это подразумевает идентификацию не только с определенной территорией как с местом реализации тех или иных идей, но и соотношение этой территории («места») с некоторой «идея места», то есть вносит дополнительный смысл, соотносимый с пространством взаимодействия.

⁴ Ю. Хабермас отмечает, что такой разрыв в единичных проявлениях уже происходил, например, в послевоенной Германии, когда гражданская и культурная составляющие национальной идентичности были разделены не только в результате политической воли (два разных государства — ФРГ и ГДР), но и в связи с необходимостью «пережить» культурную катастрофу, связанную с фашизмом (Хабермас, 2005).

Все отмеченные выше тенденции фиксируют кризисность момента в воспроизводстве национальной формы коллективной идентичности. Основная проблема состоит в том, что три ключевых составляющих единой идентичности распадаются на самостоятельные, границы которых не совпадают. Отношения между ними стремятся от комплементарности к независимости. Это стремление сопровождается изменением содержания этих составляющих, наполнением их новыми смыслами.

III. «Пространство» в содержании белорусской идентичности

Учитывая оба описанных условия появления новых форм коллективной идентичности, особое внимание, на наш взгляд, следует уделить переосмыслению территориальности в пространственность, в соотношении этого с развитием программного мышления и повышением роли инфраструктуры в понимании и описании современного мира. Основания для такого внимания находятся не только в области теоретического анализа, но и в анализе белорусской ситуации. Данные нашего исследования показывают, что от поколения к поколению прослеживается качественное преобразование содержания представлений о сущности гражданской принадлежности (Водолажская. Гражданская..., 2006). Содержательно это изменение касается в первую очередь роли и места страны в понимании гражданства. Если среди старших поколений гражданство воспринимается через связь со страной — будь то формальную, будь то эмоционально и ценностно подкрепленную, — то молодое поколение, предъясняющее новое понимание сути гражданства, рассматривает его, преимущественно, как атрибут, статус или социально-политическую практику человека вне связи с конкретной страной. Это означает, что «страна» как категория «теряет» гражданское наполнение. Вместе с тем государственные территориальные границы Беларуси остаются существенным фактом как юридическим, так и фактом сознания. Это требует их переосмысления, а значит, и наполнения новым, собственным смыс-

лом территориальной идентичности. Результаты исследования показывают также, что сообщество жителей Беларуси репрезентировано в их сознании через причастность к *общему пространству жизнедеятельности*. Его ядром является территория страны, а также единство условий, в которых осуществляется повседневная жизнедеятельность и социальное взаимодействие, воплощенных в специфике социальных структур, институтов и общем пространстве коммуникации. Именно через это дополнение физическое (территориальное) пространство *присваивается* (делается своим) и становится пространством совместного проживания.

Такой механизм наполнения смыслом территории реализуется и в концепте «тутэйшасці» («тутэйшай ідэнтычнасці»), который традиционно используется для описания и объяснения белорусской действительности. При всех разногласиях в трактовке в целом она рассматривается как идентичность, «якая імкнецца легітымізаваць сябе праз *апрычонасць* гэтай прасторы і *натуральнасць* ладу жыцця» (Бабкоў, 2005). При этом такая форма идентичности описывается как несоразмерная коллективной идентичности, охватывающей жителей страны (до-национальная, вне-национальная, противостоящая или препятствующая развитию национальной). Тем не менее, возможно наличие и «живучесть» такой идентификации обуславливает распространность «общего пространства жизнедеятельности» в качестве ведущего основания, объединяющего жителей Беларуси. И в то же время возможно именно она может стать условием распространения программного мышления, которое задает пространственное понимание социальных взаимосвязей и является фактором развития белорусской идентичности как пространственной, то есть коллективной идентичности, формирующейся вокруг принадлежности к Беларуси как общему пространству жизнедеятельности. В основе организации этого пространства лежит общая территория проживания, которая приобретает в глазах жителей собственную ценность и смысл благодаря их включенности в общие структуры, обеспечивающие связи, отношения и практики, сложившиеся и развивающиеся на данной территории.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. Бабкоў І. Генэалёгія беларускай ідэі // АРСНЕ. 2005 №3.
3. Бауман З. Власть без места, место без власти // Социологический журнал. 1998. №3.
4. Водолажская Т. В. Гражданская идентификация жителей Беларуси: тенденции и перспективы изменения // Этническая и гражданская принадлежность в восприятии населения современной Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2006. 158—171.
5. Водолажская Т. В. К постановке проблемы белорусской идентичности // Социальные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации: Сб. статей / НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск: А. Н. Бараксин, 2006. С. 250—256.
6. Геллнер Э. Нации и национализм. Москва, 1991.
7. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. Москва: Академический Проект, 2003.
8. Наумов С. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы // Кентавр. 1991. № 1.
9. Малинова О. Ю. Гражданство и политизация культурных различий // Полис. 2004. № 5. С. 7—18.
10. Рудкоўскі П. Ад ідэнтычнасці да саборнасці: Пару зацемак з нагоды дыскусіі вакол беларускай тоеснасці // АРСНЕ. 2006. № 1—2.
11. Сміт Э. Нацыяналізм у XX стагодзі. Мінск. 1995.
12. Тамир Ю. Класс и нация // Логос. 2006, № 2.
13. Тишков В. А. Культурный смысл пространства: Доклад на пленарном заседании V конгресса этнологов и антропологов России, г. Омск, 9 июня 2003 г.
14. Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995.
15. Хабермас Ю. Историческое сознание и посттрадиционная идентичность. Западная ориентация ФРГ // Политические работы. Москва: Праксис, 2005. С.114—136.
16. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок: Системные исследования. Методологические проблемы // Ежегодник — 1981. Наука, 1981.
17. Пространство и время в современной социологической теории / Под ред. Ю. Л. Качанова. Москва: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.
18. Giddens A. *Modernity and self identity/ Self and Society in late modern age*. Cambridge: Polity Press, 1991